Политика

Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы

© 2015

М. Титаренко, А. Ломанов

В статье рассматриваются характеристики и специфические особенности поведения Китая в качестве новой великой державы. В области дипломатии Китай уделяет повышенное внимание созданию новой парадигмы отношений с сопредельными странами, разработке содержательной концепции совместного развития. Трансформация методологии китайской политики ведет к возрастанию роли традиционной культуры и ценностей, все более заметное место занимают этические категории раннего конфуцианства.

Ключевые слова: Китай, политика, дипломатия, традиционная культура, Си Цзиньпин.

Неуклонный рост потенциала Китая обеспечивает стране все более заметное место на мировой арене. Символический рубеж был пройден в 2014 г., когда по данным международных экономических организаций при подсчете ВВП по паритету покупательной способности объем китайской экономики превзошел экономику США — \$17,6 трлн против \$17,4 трлн¹.

Это условный показатель китайского лидерства, поскольку он получен не из прямого пересчета по курсу валют, а с использованием оценок и сопоставлений, в которых присутствует субъективный элемент. Не учитывалась и разница в уровне ВВП на душу населения, а ведь в Китае жителей в четыре раза больше, чем в США.

И все же эти сравнения выявили важнейшую тенденцию развития современности. Западу, прежде всего США, нужно учиться жить в мировом сообществе, где нынешним лидерам уже не будет принадлежать главенствующая роль в экономике. Идея многополярного мира уже материализуется в виде множественности центров экономической силы.

В 2014 г. Китай продемонстрировал способность проводить взвешенную и независимую внешнюю политику. После кризиса на Украине Пекин не присоединился к за-

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, доктор философских наук, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

падной кампании давления на российское руководство. Не прерывая сотрудничества с Западом, Китай добился новых успехов в развитии взаимовыгодного партнерства с Россией. Политические позиции Китая в мире выглядят еще более прочными и стабильными на фоне роста взаимного отчуждения и недоверия между Россией и ее западными партнерами в лице Евросоюза и США.

Долгое время Китай настойчиво стремился сохранить за собой статус «развивающейся страны», которая держится в стороне от международных споров и конфликтов ради проведения реформ, преодоления бедности и отсталости. Все более заметный разрыв между растущей мощью страны и ее подчеркнута скромной самооценкой превращается в источник недоразумений и необоснованных обвинений. Из-за рубежа в адрес Китая звучат упреки в скрытности, отсутствии четко сформулированных внешнеполитических целей, стремлении избежать бремени ответственности за мировые дела, неспособности подкрепить экономическое влияние духовными идеалами и ценностями.

Для китайского руководства настало время обновления и дополнения национальной стратегии в соответствии с уже достигнутым уровнем развития страны и его ожидаемым ростом в будущем. Возник вызов неизбежной адаптации к новой роли глобальной сверхдержавы, когда Китаю хотя бы частично придется брать на себя роль стабилизатора и гармонизатора мировых конфликтов и противоречий. Судя по всему, в Пекине осознают эту необходимость.

В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что «Китаю обязательно нужна дипломатия великой державы с собственной спецификой» (*цзыцзи тэсэ дэ даго вайцзяо*)². Помимо особенностей социально-экономического пути развития страны, специфика Китая как крупной державы включает в себя традиционную культуру и ценностные воззрения китайцев.

Си Цзиньпин выделил четыре характеристики Китая как великой державы.

Это *цивилизованная* великая держава, обладающая богатой историей, множественностью и единением различных этносов, многообразием и гармонией культур.

Это *восточная* великая держава, где проводится ясная политика, развивается экономика и процветает культура, общество стабильно, народ сплочен, земля прекрасна.

Это *ответственная* великая держава, которая придерживается политики мира и развития, способствует совместному развитию всех стран, вносит свой вклад в дела человечества.

Это *социалистическая* великая держава, открытая внешнему миру, обладающая привлекательностью, полная надежд и жизненных сил³.

Современная трактовка образа Китая расширилась, в прошлом ее главными атрибутами были социализм и статус крупнейшей развивающейся страны. Теперь важное место в ней занимают идеи глобальной ответственности, а также цивилизационной и социально-политической идентичности, которые не могут быть произвольным образом изменены или отброшены. Встает вопрос о том, как синтезировать эти четыре образа.

За минувшие два десятилетия Китай успешно выдержал удары двух пришедших извне волн экономической нестабильности — азиатского кризиса 1998 г. и глобального финансового кризиса 2008 г. Способность продолжить рост на фоне спада и заметного замедления в других странах повысила уверенность руководства Китая и всего народа в правильности движения по пути социализма с китайской спецификой. Китай не склонен к некритическому заимствованию иностранных рецептов и проведению необдуманных экспериментов в области реформирования политической системы. Однако он заявляет, что не намерен ни сейчас, ни в будущем навязывать свои идеи и свой путь развития другим странам, выдавая его за универсальный эталон общественного устройства. Это важ-

ное отличие Китая как великой державы от ведущих стран Запада, стремящихся переделывать окружающий мир, исходя из собственных взглядов и ценностей. Китай также избегает следовать по пути СССР, предлагавшего другим странам социалистическую модель развития.

Китай сумел в ходе реформ накопить огромные экономические ресурсы и превратиться в мощное и незаменимое звено мирового хозяйства. На его долю приходится 25% ежегодного прироста мирового ВВП. Это особенно заметно при сравнении с Россией, которой пришлось реагировать на спровоцированный Западом кризис на Украине недостаточно подготовленной. В течение двух десятилетий Китай следовал стратегии, завещанной Дэн Сяопином — в мировых делах не становиться во главе, не брать в руки знамя лидера, не выставлять напоказ свои возможности. Официально опубликованное в Китае высказывание Дэн Сяопина, сделанное 28 апреля 1992 г. в беседе о проблемах развития страны, гласит: «Нам нужно работать еще годы, скрывая свои возможности, только так сможем действительно стать сравнительно крупной политической силой, весомость слова Китая в международных делах будет иной»⁴.

Ныне китайские аналитики много спорят о том, настало ли время для пересмотра этой стратегии. Слова «архитектора реформ» прозвучали более двух десятилетий назад, они не содержали формулировки неизменного долгосрочного курса. Завершились ли «годы работы», о которых говорил Дэн Сяопин? Сумел ли Китай к настоящему времени обрести достаточный политический вес и авторитет в мировых делах, чтобы прекратить «скрывать возможности»?

До середины XIX в. Китай был крупнейшей экономикой мира, однако ошибочный выбор в пользу политики самоизоляции привел империю к упадку и краху. Военное вторжение империалистических держав грозило стране порабощением, в начале XX столетия началась эпоха революций, без которых у Китая не было шансов сохранить себя в изменившейся ситуации. Теперь Китай воспринимает собственное экономическое возвышение как возвращение на позиции, утраченные два столетия назад.

После прихода к власти в ноябре 2012 г. Си Цзиньпин провозгласил идею осуществления «китайской мечты» о великом возрождении Китая. Ведущим компонентом «мечты» является цель создания «богатого и сильного государства», поставленные ориентиры развития сопряжены с грядущими столетними юбилеями КПК и КНР. Это внутренние планы, направленные на сплочение китайского народа, возвышение нравственного духа китайцев. Чтобы придать «китайской мечте» глобальное значение, руководство страны заявило о стремлении соединить ее с мечтами других стран и народов, увязать усилия по развитию Китая с созданием благ для всего мира.

В 2013 г. Си Цзиньпин предложил создать «экономический пояс Шелкового пути» и «морской Шелковый путь», способные активизировать торговлю и экономическое сотрудничество в регионе. Первый в истории «Шелковый путь» связывал Китай с Римской империей. Выдвижение этих идей в наши дни напоминает о былом процветании Китая, его могуществе и способности оказывать влияние на соседей. Китайские власти намерены выделить \$40 млрд на финансирование строительства инфраструктуры и разработку месторождений вдоль «экономического пояса Шелкового пути».

Появившиеся в зарубежных СМИ сравнения «экономического пояса Шелкового пути» с американским «планом Маршалла» для послевоенной Европы были одобрительно восприняты частью китайских экспертов. По их мнению, создание «пояса» в Центральной Азии сходным образом поможет Китаю перенести за рубеж избыточные производственные мощности, расширить рынки для сбыта своей продукции, а также обрести за вложенные в проект деньги дополнительное политическое влияние.

Но все же трактовка «плана Маршалла» как образцового плана действий крупной державы, желающей расширить свое влияние, не получила в Китае широкой поддержки. Критики указывали, что это сравнение ошибочно, поскольку США использовали «план Маршалла» для подчинения себе Европы и противодействия СССР, тогда как китайский «экономический пояс Шелкового пути» не имеет политической подоплеки и не направлен против интересов третьих стран. Европа нуждалась в краткосрочной внешней поддержке для восстановления разрушенного войной, Китай намеревается создать условия для долгосрочного экономического соразвития с соседними регионами⁵.

Китай провозглашает цели соразвития и взаимного выигрыша. Отождествление «пояса» с «планом Маршалла» невыгодно Пекину потому, что это противоречит китайскому стремлению продемонстрировать отличие своего мирного неконфликтного пути движения к статусу великой мировой державы от действий предшественников среди западных стран, добивавшихся этого силой оружия. Китай хочет, чтобы его влияние опиралось на достижения в экономике и культуре, а не на военную мощь. Подобно тому, как древний «Шелковый путь» создавал возможности для общения разных культур и народов, идущий из Китая в сторону Европы «экономический пояс» создает новые шансы для развития стран, не получивших ощутимых благ от западной модели глобализации. «Азиатско-европейский» вектор нынешнего китайского руководства и евразийский поворот России в сторону Китая и Восточноазиатского региона способны усилить друг друга, создавая позитивный синергетический эффект. Формирование новых каналов взаимодействия в Евразии создаст благоприятные условия для диалога и взаимного обогащения культур. Российской элите надо осознать и принять этот шанс.

Китай подчеркивает, что не стремится к созданию союзнических отношений с другими государствами. Он также провозгласил, что не будет применять первым ядерное оружие. Американская идея создания тесного партнерства США и КНР в форме «большой двойки» не вызвала у китайской стороны заинтересованного отклика. У этого подхода есть давние исторические корни. Бывший посол в России Ли Фэнлинь назвал советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. «неравноправным» потому, что в те годы Китай оказался в положении «опекаемой» и «защищаемой» стороны. На этот подход не влияет признание бесспорного факта — двустороннее сотрудничество имело ключевое значение для политического и экономического становления только что возникшей КНР⁶.

В наши дни Китай не хочет брать на себя бремя поддержки внешней политики США, совершившей значительные ошибки в Ираке, Афганистане и Ливии, а после драматических событий на Украине приведшей к опасному кризису в отношениях между Западом и Россией. В случае создания «большой двойки» американское военное и научно-техническое превосходство заставляло бы китайскую сторону постоянно тревожиться о том, что она состоит в «неравноправном» альянсе и участвует в проведении политики, не соответствующей ее интересам. В союзнических отношениях между США и ЕС постоянно присутствуют элементы американского давления, вынуждающего европейцев принимать невыгодные для себя решения. Глядя на то, как Вашингтон командует европейской внешней политикой, Пекин приходит к выводу, что в случае создания «большой двойки» Китай утратит часть суверенитета, а США продолжат вмешиваться во внутренние дела страны и добиваться смены режима.

С другой стороны, в наши дни потенциал Китая весьма высок. Будет ли Китай и впредь отказываться от создания союзов, в которых он выступал бы как «опекун» и «защитник», памятуя о том, что такой альянс является «неравноправным» в отношении другой стороны?

Этот вопрос заставляет вспомнить давние споры по поводу оценки политики СССР в 1960–70-е гг. Китайская сторона не поняла и не поддержала интернационалистские устремления Москвы, которая была готова бескорыстно помогать странам социализма и борцам за независимость в разных уголках мира. С точки зрения Китая, это было проявление «социал-империализма», «колониальной экспансии под видом экономической помощи», «сверхдержавного поведения брежневской клики». Эти ярлыки ушли в прошлое. Но Китаю еще предстоит определить формы и пределы собственного альтруизма в статусе ответственной мировой державы, призванной оказывать помощь и поддержку другим странам.

Китай успешно приспособился к американской модели глобализации, он не заинтересован в дроблении и кластеризации единого мирового рынка. Сохранение существующих правил игры, созданных Западом в собственных интересах, позволяет Китаю удерживать и наращивать экономическое присутствие в отдаленных регионах планеты — в Африке, Латинской Америке. В политическом отношении Китай готов негласно признать зоны влияния США, не рассматривая мир как единое целое. Очаги конфликта в Ливии, Ираке и Сирии, представляют для Китая намного меньший интерес, чем территориальные споры с соседями, возможные всплески межэтнической нестабильности в приграничных районах, обострение политических противоречий в Гонконге или на Тайване.

Известный политолог-международник из Университета Цинхуа профессор Янь Сюэтунь указывает, что в Китае спорят представители двух течений. Первое считает, что Китаю достаточно наладить отношения с США, и если со стороны американцев не будет препятствий, то никакая сила в мире не остановит возвышение Китая. Второе исходит из того, что без обретения поддержки со стороны соседей Китай не сможет осуществить возвышение, поэтому дипломатическая работа с соседними странами должна находиться на первом месте. Янь Сюэтунь придерживается второй точки зрения. Он отмечает, что пришедшая из древней китайской культуры стратегема «сближения с дальним для удара по ближнему» (*юань цзяо цзинь гун*) не может быть осуществлена в современном мире, у политики дружественного добрососедства альтернативы нет⁷.

С другой стороны, китайские аналитики осознают, что без достижения взаимопонимания и сотрудничества с США Китай не будет чувствовать себя в безопасности. Эксперты постоянно напоминают, что в прошлом накопление противоречий между новой растущей великой державой и зрелой великой державой, стремящейся сохранить свое лидерство, неоднократно приводило к войне. Китай обещает не использовать силу и не стремиться к гегемонии, однако благие намерения одной стороны не гарантируют благожелательного ответа от США, все больше опасаящихся последствий потери статуса мирового лидера. «Китаю нельзя не думать о том, что ему делать, если конфликт интересов с США приведет к войне? Конечно, по мере упадка США, Китай будет все больше думать о том, смогут ли США поддерживать систему. Если США потерпят провал, что тогда должен будет делать Китай?»⁸.

Оба сценария вызывают тревогу, поскольку Китай не готов ни к лобовому столкновению с мировым лидером, ни к принятию на себя роли лидера в случае самоустранения США. В 1957–1958 гг. Мао Цзэдун несколько раз говорил о том, что не нужно бояться войны, которую могут развязать западные страны. Он уверял, что даже если в результате применения ядерного оружия погибнет половина тогдашнего населения Китая — 300 из 600 млн человек — оставшиеся в живых смогут восстановить страну, империализм будет сокрушен и наступит вечный мир. Уже в те годы эти рассуждения казались современникам проявлением чрезмерного оптимизма. Повторение подобных высказываний в наши дни немислимо, но слова Мао Цзэдуна выявили иной подход китайской

культуры к ценности человеческой жизни, другое понимание соотношения индивида с целями государства.

Новая модель отношений Китая с внешним миром должна опираться на ценности, которые смогут признать и поддержать не только соседи, но и ведущие страны. Профессор Сингапурского университета Чжэн Юннэнь полагает, что в истории происходило возвышение стран, которые находили решение, соответствующее духу эпохи. Великобритания преуспела благодаря снятию барьеров для международной торговли, США возвысились с помощью свободы и демократии, Китай способен дать новой эпохе модель мирного, открытого и всеобъемлющего развития⁹.

Проблема философской методологии политики последовательно прослеживается на основных этапах истории КНР. Мао Цзэдун неизменно считал, что в основе развития лежит закон единства и борьбы противоположностей, при этом главным двигателем развития является именно борьба противоположностей. Этот упрощенный догматический подход сформировался под влиянием сталинской трактовки диалектического материализма и сочинений о диалектике советского философа М.Б. Митина.

В процессе китаизации марксизма Мао Цзэдун сделал краеугольным камнем своей методологии принцип «раздвоения единства» (*и фэнь вэй эр*), который возник в китайской традиции много веков назад. К примеру, в комментарии «Сицы» к древней «Книге перемен» говорится о том, что лежащий в основе бытия «Великий предел» (*тайцзи*) разделяется на «два образа» — противоположные друг другу начала инь и ян. Опора на идею «раздвоения единства» помогала популяризации взглядов Мао Цзэдуна на марксистскую диалектику. С конца 1950-х годов Мао последовательно призывал своих сторонников «создавать противоречия». Десятилетие «культурной революции» (1966–1976) стало примером искусственного создания в масштабах всей страны охвативших партию и все население противоречий, которые разрешались методами насилия, запугивания, силовой борьбы.

Не было случайностью и то, что «культурной революции» предшествовала напряженная философская дискуссия 1964–1965 гг. Она была посвящена вопросу о том, как соотносится «раздвоение единства» со «слиянием двух в одно» (*хэ эр эр и*). Можно ли их понимать как две стороны закона единства и борьбы противоположностей? Или же в мире главенствуют «раздвоение» и борьба, тогда как «слияние» и единство ведут к «метафизике» и «ревизионизму»? Участники спора вспоминали о неоконфуцианском мыслителе XVII в. Фан Ичжи, который в работе «Дун си цзюнь» («Уравнение сторон») первым предложил формулу «слияние двух в одно», указывая, что все вещи соприкасаются друг с другом и образуют гармоничное единение раздвоенного. В то время господствовала идеология борьбы, поэтому сторонников «слияния» во главе с философ-марксистом Ян Сяньчжэнем объявили «врагами диалектики» и «защитниками классового примиренчества».

В конце 1970-х в преддверии реформ в Китае возникла потребность в ослаблении накала борьбы и сглаживании искусственно обостренных противоречий. Новые лидеры, пришедшие к власти после трудного переходного периода борьбы с «бандой четырех» и ортодоксальными приверженцами идей Мао, начали переосмысление уроков предыдущего периода, прежде всего разрыва и конфронтации со своим еще недавно ближайшим другом и союзником в лице СССР, а также длительной конфронтации с Западом, прежде всего с США. В этот драматический период, насыщенный глубокими теоретико-идеологическими, историческими, методологическими и политическими поисками, китайское руководство во главе с Дэн Сяопином осуществило принципиальное переосмысление опыта строительства нового общества и методологических подходов к выра-

ботке внутренней и внешней политики. Тезисы Мао Цзэдуна «политика — командная сила», «классовая борьба — ключевое звено» были отброшены, на первый план вышли задачи экономического строительства и преодоления бедности населения. Вместо идеи перманентного классового противостояния был выдвинут лозунг стабильности в обществе и прочности руководства КПК как главных условий развития и подъема страны.

Основой для выработки политики стали прагматизм и реальные интересы. Вместо прежних идеологических клише было поднято на щит прозвучавшее в 1962 г. высказывание Дэн Сяопина о кошках и мышах. В то время Китай преодолевал разрушительные последствия попытки Мао Цзэдуна ускорить развитие и обогнать западные страны с помощью «большого скачка», Дэн Сяопин призвал к восстановлению сельскохозяйственного производства с помощью расширения экономической свободы сельских дворов. Он напомнил поговорку сычуаньских крестьян — «не важно, рыжая или черная кошка, главное чтобы она ловила мышей»¹⁰.

«Рыжая кошка» превратилась в «белую кошку» на закате «культурной революции» под влиянием методологии «раздвоения единого» и борьбы противоположностей. «Переокраска» произошла по воле властей в ходе кампании критики Дэн Сяопина, когда возникла идеологическая потребность подчеркнуть его политическую неразборчивость, неспособность увидеть непримиримую противоположность империализма и социализма — «черной кошки» и «белой кошки». В годы реформ Дэн Сяопин неуклонно подчеркивал свою приверженность социализму, но при этом призывал не вводить неоправданных догматических ограничений при выборе инструментов развития страны. В частности, он трактовал план и рынок как способы регулирования экономики, а не как несовместимые друг с другом атрибуты социализма или капитализма: «Можно задействовать все, что идет на пользу развитию производительных сил. Все, что поставлено на службу социализму, является социалистическим, а все, что обслуживает капитализм — капиталистическим»¹¹.

Изменение методологических подходов руководства КПК явственно проявилось как в приоритетности решения внутренних проблем, так и в сдержанности и готовности к сотрудничеству со всеми странами. Был снят лозунг борьбы против империализма. Произошел отказ от конфронтационных подходов в отношениях с США и крупными развитыми капиталистическими странами, Китай заявил о готовности к тесному всестороннему сотрудничеству с ними. Новый подход наглядно и ярко проявился в нормализации советско-китайских отношений, а затем быстром и благоприятном развитии российско-китайских отношений, ныне достигших небывалого в истории уровня всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства. Во внутренней политике определяющее место заняли идеи примирения социальных конфликтов, их концентрированным выражением в середине 2000-х годов стал официальный лозунг «строительства социалистического гармоничного общества».

Однако сущность диалектики делает невозможными как отказ от единства противоположностей, так и полное забвение об их борьбе. В январе 2015 г. Си Цзиньпин высказался о важности изучения диалектического материализма, в частности, он призвал постигать основные принципы противоречий в движении объектов. Китайский лидер напомнил о всеобщем и объективном характере противоречий, подчеркнув, что диалектическая методология поможет в деле осознания и активного решения стоящих перед Китаем проблем. Си Цзиньпин также указал на важность умения выделять главное противоречие и главную сторону противоречия, что приведет к разрешению остальных противоречий. Именно в контексте учения о противоречии он сформулировал концепцию «четырех всесторонних» (*сы гэ цюаньмянь*), указывающую на основные задачи в развитии

современного Китая в их взаимосвязи. «Мы выдвинули скоординированное продвижение всестороннего завершения строительства общества малой зажиточности (*сяокан*), всестороннего углубления реформ, всесторонней опоры на закон при управлении страной, всесторонней строгости при управлении партией, это главные противоречия в нынешних делах развития партии и государства, которые нужно разрешить»¹².

Обратившись в прошлое, в эволюции методологических подходов руководства КНР можно увидеть подобие гегелевской триады. Тезисом можно считать акцент Мао Цзэдуна на борьбе противоположностей и классов. Антитезисом стал последующий акцент на стабильности и социальной гармонии, достигший апогея при Ху Цзиньтао. Взгляды Си Цзиньпина указывают на зарождение синтеза, соединяющего китайский марксизм, включая гносеологические подходы Мао Цзэдуна, и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонизации. В современных условиях противоречия не следует создавать искусственно, но их также не следует игнорировать, поскольку решению противоречия должно предшествовать понимание проблемы и выявление породившего ее противоречия. С этой точки зрения прозвучавший в начале 2013 г. призыв Си Цзиньпина не противопоставлять друг другу период правления Мао Цзэдуна и период реформ, видеть между ними не только различия, но и взаимосвязь, относится не только к трактовке истории, но и к методологии китайской политики.

В начальный период реформ Китай придерживался сдержанного курса во внешних делах, проводил прагматическую политику защиты собственных интересов, образно говоря, «не высовывался» в критических ситуациях. Призыв «искать истину на основе фактов» помог стране отказаться от идеологических стереотипов, мешавших осуществлению преобразований. Китай сосредоточился на экономике, в глазах многих людей стремление к богатству затмило не только коммунистические, но и традиционные китайские моральные ценности. Превращение Китая в великую мировую державу требует переосмысления отношения к идеалам и этическим нормам, которые нужны не только для внутреннего сплочения, но и для повышения международного авторитета страны.

Внимание к нравственным ценностям, идеологии и культуре связано со стремлением Китая стать «духовной сверхдержавой», располагающей возможностями нематериального и несилового воздействия на мировые процессы. С выходом на первое место в мире по экономическим показателям Китай хочет превратиться в образцового носителя «нравственной силы», обладание которой было обязательным атрибутом совершенномудрого правителя в китайской традиции. В далекой древности зародилась и утвердилась уверенность в том, что Китай способен с помощью культуры влиять на поведение окружающих царств, находившихся на более низкой ступени развития. Когда Конфуций вознамерился поселиться среди варваров, его спросили: «Как можно? Ведь там грубые нравы!». Мудрец ответил: «Там, где поселится благородный муж, должны исчезнуть грубые нравы!»¹³.

Древнекитайский мыслитель Мо Ди подчеркивал роль морального примера, он полагал, что хорошее или, напротив, плохое влияние способно «окрасить» правителя царства и прослойку образованных служилых людей. Под воздействием носителей человеколюбия, справедливости и честности царство движется к благоденствию, спокойствию и безопасности. Если же образцом становятся высокомерные, самодовольные и своекорыстные персоны, это приведет к упадку, станет источником опасности и утраты репутации¹⁴.

Конфуцианский «благородный муж» и совершенномудрый у Мо Ди были идеальными проводниками культуры, способными своим примером и поучением изменить мир к лучшему. В наши дни проблема распространения своей культуры в мире в интере-

сах укрепления международного авторитета страны является частью стратегии наращивания «мягкой силы». Китай создает по всему миру Институты Конфуция, которые через освоение китайского языка помогают иностранцам приблизиться к пониманию конфуцианской терминологии и менталитета, ключевых для китайской культуры идей «гармонии без единообразия» (*хэ эр бу тун*) и ненасильственной гармонизации конфликтов.

Идея гармонии «хэ» стала генетическим принципом китайской цивилизации, она лежит в основе заимствования иностранных идей и включения их в канву национальной культуры. В традиционном культурном контексте преодоление дисгармонии означает создание прекрасного. Си Цзиньпин подчеркивает, что гармония «хэ» обуславливает стремление современного Китая к проведению политики мира и развития. По мнению Председателя КНР, китайская нация миролюбива, потому что китайская культура поклоняется гармонии. Он указал, что китайская традиция почитания гармонии «хэ» имеет давние истоки и включает в себя несколько компонентов. Это взгляд на мироздание, исходящий из тезиса о единстве Неба-природы и человека (*тянь жэнь хэ и*); взгляд на международные дела, исходящий из идеи «гармонии десяти тысяч царств»; взгляд на общество, в котором должна быть «гармония без единообразия»; моральные воззрения гармонии и доброты человеческих сердец. Си Цзиньпин отметил, что идеалы восприятия «гармонии как драгоценности», устремленности к добру вместе с другими людьми, максимуму «чего не желаешь себе, того не делай другим людям» в Китае передавали из поколения в поколение, они крепко укоренились в духе китайцев, глубоко воплотились в их поведении¹⁵.

Упомянутые Си Цзиньпином ценностные подходы восходят к наследию раннего конфуцианства. О почитании «гармонии как драгоценности» (*хэ вэй зуй*) говорил Конфуций: «Когда используют Правила, принцип единения через разномыслие должен быть самым ценным»¹⁶. Идея совершения добра вместе с другими людьми (*юй жэнь вэй шань*) почерпнута из рассуждений Мэн-цзы: «Учиться у других делать добро — это значит помогать другим делать его. Поэтому у благородного мужа нет ничего выше, как помогать другим делать добро»¹⁷. Конфуцию принадлежит знаменитое поучение «Не делай другому человеку того, чего не пожелаешь себе» (*цзи со бу юй, у ши юй жэнь*)¹⁸. Появление этих идей в выступлении Председателя КНР указывает на повышение значения традиции в современной политической культуре, что затрагивает также сферу дипломатии.

Впервые набор программных ценностей внешней политики КНР был представлен Си Цзиньпином во время визита в Африку. Выступая в Танзании в марте 2013 г., китайский руководитель заявил, что сотрудничество Китая с Африкой будет опираться на идеи «истинности» (*чжэнь*), «практичности» (*ши*), а также «близости» (*цинь*) и «искренности» (*чэн*). Этот список ценностей подчеркивал намерение Китая проводить на африканском континенте политику подлинного партнерства, приносящую реальные плоды¹⁹.

Развитием современного использования категорий традиционной китайской культуры стал провозглашенный в выступлении Си Цзиньпина на совещании по дипломатической работе с сопредельными странами в октябре 2013 г. курс «близости, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» (*цинь, чэн, хуэй, жун*) в отношениях с соседями²⁰. Четыре иероглифа, обозначающие эту политику, обладают богатой смысловой палитрой, их трактовка связана с идейным наследием древнего Китая.

Близость (*цинь*) означает также «родственность». В конфуцианской культуре высшая степень любви к своим родителям становилась основой всеобщей добродетели гуманности (*жэнь*) в том случае, если человек распространял чувство «цинь» на всех людей и на все мироздание. Включение «близости-родственности» в число программных ориентиров во взаимоотношениях Китая с соседями подчиняется внутренней логике тра-

диционной культуры, требующей постепенного расширения сферы «цин» за рамки собственного клана и своего царства.

Искренность (*чэн*) в китайской традиции неотъемлема от доверия (*синь*), ставшего одним из моральных устоев классического конфуцианства. Применительно к внешней политике эта идея указывает на стремление практиковать искренний подход в отношениях с соседями в надежде заполнить их доверие.

Взаимная выгода (*хуэй*) в традиционной культуре была синонимом «милости» и «благоденствия», оказываемых правителем по отношению к своему народу. Ответным моральным долгом людей была преданность своему правителю.

Инклюзивность (*жун*) в древней китайской мысли указывала на способность мудрого человека уважать многообразие вещей, несмотря на различия между ними. Данная идея соответствует современной китайской политике, утверждающей ценность разных цивилизаций и культур.

Идея «близости — родственности» (*цин*) вновь прозвучала в марте 2014 г. в речи Си Цзиньпина в честь 50-летия установления дипотношений между Китаем и Францией. Вспомнив пророчество Наполеона «Китай — это спящий лев, и когда он проснется, содрогнется мир», Председатель КНР заметил: «Китайский лев уже проснулся, но это мирный, способный быть близким (*кэ цинь дэ*), цивилизованный лев»²¹. Эти слова были произнесены в стране, которая не принадлежит ни к кругу соседей Китая, ни к числу его африканских друзей. Очевидно, что идея «близости» становится одним из ключевых компонентов политики превращения Китая во влиятельную крупную державу современного мира.

В традиционной китайской культуре моральная категория «родственности» предполагает взаимное отношение двух сторон — младшие отвечают на заботу старших своей любовью и преданностью. Современный Китай хочет быть «близким» и даже «родственным», но при этом не желает приближаться ни к одной стране до степени заключения союза. Альтернативой становится конструирование Китаем политики прагматического альтруизма, выраженной в августе 2014 г. в выступлении Си Цзиньпина в Монголии. Председатель КНР сообщил, что Китай намерен предоставить сопредельным государствам шанс и пространство для совместного развития: «Приглашаем всех на поезд китайского развития, садитесь на [наш] экспресс, садитесь на [нашу] попутную машину, мы приглашаем всех, именно об этом говорится: “Одному можно ехать быстро, вместе можно уехать далеко”»²².

Достигнутый уровень развития позволяет Китаю отказаться от прежнего стремления к максимизации прибыли в экономическом взаимодействии с внешним миром, переходя к сопряжению экономических интересов с политическими и дипломатическими целями. Провозглашенная китайским руководством идея установления сбалансированного «взгляда на долг и выгоду» (*и ли гуань*) выглядит новаторской, однако ее корни восходят к раннему конфуцианству, благодаря которому в китайской культуре сформировалось основополагающее противопоставление морально справедливого «долга» низменному стремлению к «выгоде». На этой культурной основе политика заботы об интересах других стран и поддержка их развития превращается в подобие поведения конфуцианского «благородного мужа», готового жертвовать выгодой во имя гуманности и справедливости. Наличие прочного ценностного фундамента способно превратить китайскую политику международного экономического сотрудничества в атрибут поведения влиятельной великой державы, формирующей и реализующей на практике идею «общности судьбы» с сопредельными странами.

За минувшее столетие Китай прошел путь критического переосмысления собственной культуры и широкомасштабного заимствования иностранных идей, включая марксизм. Активные усилия по строительству рыночной экономики и участию в процессах глобализации не подорвали позиции китайской культуры, хотя и поколебали стержень самоидентичности части китайской молодежи и деловой элиты.

Превращение в великую державу современного мира требует от Китая укрепления собственной культурной идентичности, иначе в процессе овладения материальными достижениями западной цивилизации страна рискует превратиться в ее адепта и безликий придаток. Неизбежным последствием утраты культурных устоев станет также потеря инициативы в политической сфере. Китай совершенствует опыт ассимиляции иностранных культур, однако для превращения западного в китайское необходимо сохранение и унаследование китайского ядра цивилизации. Традиционная культура становится незаменимым компонентом стратегии превращения Китая во влиятельную глобальную державу современного мира.

1. Китай — крупнейшая экономика мира, официально. 09.10.2014. URL: <http://rbcdaily.ru/economy/562949992588541> (проверено 19 апреля 2015).
2. Си Цзиньпин чуси Чжунъян вайши гуңцзо хуэйи бин фабяо чжунъяо цзянхуа [Си Цзиньпин принял участие в Центральном совещании по внешнеполитической работе и выступил с важной речью] // «Синьхуаван». 21.11.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (проверено 19 апреля 2015).
3. Си Цзиньпин цзай Чжунгун чжунъян чжэнчжицзюй ди шиэр цы цзити сюэси цяндяо цзяньшэ шэхуэйчжун вэньхуа цянго чжюли тигао гоцзя вэньхуа жуаньшили [Си Цзиньпин на 12-й колллективной учебе Политбюро ЦК КПК подчеркнул: строить сильное государство социалистической культуры, сосредоточить усилия на повышении мягкой силы культуры государства] // Жэньминь жибао. 2014. 1 янв.
4. Дэн Сяопин няньпу (1975–1997 нянь) [Погодичная биография Дэн Сяопина (1975–1997 годы)] / Ред. Лэн Жун, Ван Цзоли. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2004. Т. 2. С. 1346. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/41038/11299520.html> (проверено 19 апр. 2015).
5. Лю Ин. «И дай и лу» чжаньлюэ бу ши Чжунго бань «Масеэр цзихуа» [Стратегия «одного пояса и одного пути» не является китайским вариантом «Плана Маршалла»]. 09.01.2015. URL: <http://rdcy-sf.ruc.edu.cn/displaynews.php?id=9561> (проверено 19 апр. 2015).
6. Ли Фэнлинь. Из истории китайско-советских отношений (1917–1991) // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 3. С. 164–173.
7. Янь Сюэтуан. Чжунго вайцзяо «чжоубянь» би Мэйго гэн чжунъяо [В китайской дипломатии «сопредельное» важнее, чем США] // Гуаньчжэ ван. 13.01.2015. URL: http://www.qstheory.cn/politics/2015-01/13/c_1113977501.htm (проверено 18 апр. 2015).
8. Бао Шэнган. Чжунго вайцзяо чжэнцэ жухэ инсян шицзе [Как влияет на мир китайская внешняя политика] // Цюшюван. 13.01.2015. URL: http://www.qstheory.cn/laigao/2015-01/13/c_1113982609.htm (проверено 18 апр. 2015).
9. Чжэн Юньянь. Си Цзиньпин дэ шицзе буцзюй ши гэ داشоуби [Картина мира Си Цзиньпина является произведением мастера] // Данцзяньван вэйсинь пинтай. 09.01.2015. URL: http://www.qstheory.cn/politics/2015-01/09/c_1113942120.htm (проверено 19 апр. 2015).
10. Во время встречи Дэн Сяопина с участниками пленума ЦК КСМК 7 июля 1962 г. поговорка о кошках и мышах появилась со ссылкой на известного военачальника и политического деятеля Лю Бочэна: «Товарищ Лю Бочэн частенько прибегал к сычуаньской поговорке: «Какая бы ни была кошка — рыжая или черная, умеет мышей ловить, значит, хорошая». Говорил он это по поводу боевых операций. Мы смогли победить Чан Кайши именно потому, что воевали не по старым шаблонам, не старыми способами, а в любом случае исходили из реальной обстановки, в счет шло только умение выиграть сражение» (Дэн Сяопин. Избранное. Т. 1 (1938–1965). Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1994. С. 410).

11. *Дэн Сяопин*. Избранное. Т. 3 (1982–1992). Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1994. С. 259.
12. Си Цзиньпин цзай Чжунгун чжуньян чжэнчжицзюй ди эрши цы цзити сюэси цяндяо цзяньчи юньюн бяньчжэн вэйчужуи шицзегуань фанфалунь тигао цзецзюэ вого гайгэ фачжань цзибэнь вэньти бэньлин [Си Цзиньпин на 20-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК подчеркнул: придерживаться использования мировоззрения и методологии диалектического материализма, повышать навыки решения основных вопросов реформ и развития нашей страны] // Синьхуаван. 24.01.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-01/24/c_1114116751.htm (проверено 19 апр. 2015).
13. Лунь юй IX, 14 / Пер. Переломов Л.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 189.
14. *Тигаренко М.* Древнекитайский философ Мо Ди (V в. до н.э.) о мудром управлении страной: Пер. из кн. «Мо-цзы» (свиток 1-й) // Пробл. Дальнего Востока. 2014 № 2. С. 20–21.
15. Си Цзиньпин цзай Чжунго гоцзи юхао дахуэй цзи Чжунго жэньминь дуйвай юхао сехуэй чэнли 60 чжоуньян цзиньян ходун шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на Китайской конференции международной дружбы в честь 60-летия создания Китайского народного общества дружбы с границей]. «Синьхуаван» 15.05.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-05/15/c_1110712488.htm (проверено 19 апр. 2015).
16. Лунь юй I, 12 / Пер. Переломов Л.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 160.
17. Мэн-цзы ПА, 8 / Пер. Попов П.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 278.
18. Лунь юй XII, 2 / Пер. Переломов Л.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 200.
19. *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2014. С. 409–420.
20. Там же. С. 400–406.
21. Си Цзиньпин цзай Чжун Фа цзяньцзяо 50 чжоуньян цзиньян дахуэй шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на собрании в честь 50-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Францией] // Синьхуаван. 28.03.2014. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0328/c1024-24759418.html> (проверено 19 апр. 2015).
22. Си Цзиньпин цзай Мэнгуго гоцзя дахулаэр дэ яньцзян [Выступление Си Цзиньпина в Великом государственном хурале Монголии] // Синьхуаван. 22.08.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-08/22/c_1112195359.htm (проверено 19 апр. 2015).